

Анархизм, Национализм, Фашизм

Что такое анархизм?

Анархизм — это политическая теория, противостоящая государству и капитализму. Она утверждает, что люди, обладающие экономической властью (капиталисты) или политической властью (политики всех мастей, левые, правые или центристы), используют эту власть для собственной выгоды, а не для улучшения благосостояния общества, вопреки их собственным утверждениям. Анархизм утверждает, что ни эксплуатация, ни правительство не являются естественными явлениями, и что общество, основанное на свободе, взаимопомощи и равном распределении благ жизни, будет работать лучше существующего ныне.

Анархизм также является политическим движением. Анархисты принимают участие в повседневной борьбе (против бедности, любых видов угнетения, войны и т. д.), а также продвигают идею всестороннего изменения общества. Основываясь на горьком опыте, они предупреждают, что «революционные» начальники ничего не изменят к лучшему: «цели» и «средства» (то, чего вы хотите, и то, как вы этого добиваетесь) тесно связаны.

Введение

Эта брошюра даёт ряд анархистских описаний фашизма и того, как с ним можно бороться. Она фокусирует внимание не на событиях в долгой истории анархистского антифашизма, а на идеях: скорее «как» и «почему», чем «кто» и «когда» из анархистов сопротивлялся фашизму. Мы надеемся, что она окажется интересной и полезной как для активистов анархистского движения, так и для всех, кто интересуется противостоянием фашистским идеям и действиям.

Используемое в этой брошюре «рабочее определение» состоит в том, что фашизм является насильственным подавлением рабочего класса и всех его организаций, сопровождающимся захватом контроля над государством и обществом партией, желающей пожертвовать всем ради своей идеи нации. Зачастую эта «нация» определяется по расовому признаку, и расизм является распространённым методом организации фашистов. Но в его сердце — культ государства и насильственные действия, чтобы его «обновить». Фашизм отличается от других видов диктатуры тем, что не просто опирается на насилие полиции и армии, но создаёт свою собственную силу, чтобы пропитать собой и затерроризировать общество. Фашисты используются правящими классами или вступают с ними в союзы, но они не всегда ими контролируются: у фашистских движений есть свои собственные цели.

Анархисты неизменно являются антифашистами, однако наш антифашизм не рассматривает фашизм в качестве «плохого правительства» и не просит «хорошее правительство» нас спасти. Фашизм — это просто наихудшее правительство, и мы противопоставляем ему классовую борьбу, освобождение человечества и физическое противодействие. Как это в 1936 году сказали анархистки из группы «Mujeres Libres» («Свободные женщины»):

Быть антифашистом — это слишком мало; человек является антифашистом, потому что он уже кто-то ещё. У нас есть положительное утверждение, которое мы можем выставить против этого отрицания[...], — рациональная организация жизни на основе работы, равенства и социальной справедливости. Если бы этого не было, антифашизм для нас был бы бессмысленным словом.

Фашизм обладает высокой приспособляемостью — использовано может быть всё, что приведёт его ближе к власти. Пока одни продолжают строить из себя штурмовиков и справлять дни рождения Гитлера, другие пытаются выдать себя за простых «националистов» или «демократов». Они пытаются повернуть гнев одной части обездоленных против другой при помощи «расовых проблем» и «проблем с иммиграцией». В этом им помогают средства массовой информации и другие политические партии: пытаются ли они эксплуатировать их или снять напряжение, никто из них не может указать на настоящую проблему — проблему начальников.

Анархисты не считают, что люди должны отдать контроль над своими жизнями вождям. Нам не нужны работодатели. Мы хотим жить в свободном мире, а не быть заключёнными в мире, разрезанном на государства, расы и рынки. Выбить фашизм — это жизненно важная часть этой борьбы за свободу. Читайте дальше, чтобы узнать, как это может быть сделано...

Правила выживания

Никогда не бросайте никого из своих.

Никогда не давайте показания полицейским. Если вас задержали, не давайте никаких показаний. Можно почти гарантировать, что они скажут: «Ваши друзья сказали нам, что X Y Z, так что вы можете просто признаться в том, что сделали вы». Ничего не говорите. Никто не болтает — все гуляют!

Лучше сделать какое-то одно серьёзное дело, а потом сразу же убраться из этого района, и остаться в живых, чтобы можно было продолжать борьбу завтра.

Очистите карманы с утра. Если вас задерживают, когда у вас с собой небольшое количество наркотиков, маленький перочинный нож или записная книжка, ваша жизнь может существенно усложниться. Носите с собой достаточно денег, чтобы в случае необходимости можно было поймать такси.

Держите себя в хорошей физической форме и много не пейте.

Четыре человека, которые знают, что они делают, могут быть куда эффективнее четырёх сотен бесполезных распространителей газет. Так что постарайтесь найти небольшую группу людей, которые не убегут и не расколются, если дело примет серьёзный оборот, и держитесь за них.

Постарайтесь заранее подготовиться — тактика, местная география, номера телефонов на крайний случай и т. д. Как говорил Джо Томас, «самые лучшие спонтанные революционные действия, на самом деле, всегда хорошо планируются заранее!»

Из книги «Мочи фашню».

Фашизм

Фашизм — это популистское, коллективистское и государственническое движение, выступающее против «монополистического» капитализма и против коммунизма. Хотя фашизм ищет приверженцев во всех общественных классах, привлекает он по большей части представителей средних классов, так как он, как кажется, предлагает «альтернативу большевизму», одновременно позволяя им охранять свои интересы за счёт утверждения себя в качестве Третьей Силы между транснациональным и государственным капитализмом.

Фашизм кормится на неудовлетворённости, злобе, преувеличенном национализме, антикоммунизме и расовых предрассудках: всё это — характерные особенности периодов политической и социальной нестабильности.

Фашизм не разработал рациональную систему идей, и он особенно привлекателен для тех, кому не хватает критической способности собрать воедино все относящиеся к делу факты и факторы при оценке положения и собственных чувств; для людей, которые по привычке или по инерции стали полностью зависеть от других в своих мнениях и которые находят слепое повиновение власти как комфортабельным, так и выгодным.

Из книги Стюарта Кристи «Стефано Делле Киае: Портрет «чёрного» террориста».

Спонтанный антифашизм

Значительное число настроенных бунтарски и антиавторитарно молодых людей привлекает боевой антифашизм. Суть этого спонтанного антифашизма, разумеется не заключается в изощёренной критике фашистских теорий или в подробном понимании фактической истории фашистского движения. Это скорее инстинктивное отвержение традиционных фашистских представлений о том, кто является высшим и кто — низшим; что представляет собой добропорядочную жизнь и что — развращённую. Фашисты хотят создать общество и культуру только для тех, кого они считают высшими людьми. Мы — нет. Они хотят дисциплины и порядка. Мы желаем автономии и творчества. Их цель — идеализированное, преимущественно мифическое прошлое, мы хотим совершенно другого будущего. Они строятся за всемогущими вождями; мы хотим критичных и сознательных рядовых участников движения.

Дон Хамерквист в книге «Противостояние фашизму: дискуссионные документы для боевого движения».

Италия стала колыбелью фашизма с его теорией «национального перерождения» и его практикой уничтожения организаций рабочего класса, что сочеталось с опорой на государство для защиты от любого противодействия. В конце концов 28 октября 1922 года итальянский правящий класс вручил Муссолини власть после так называемого «Похода на Рим». Но ещё до этого анархисты были на переднем краю борьбы антифашистского сопротивления, как это показано здесь.

Анархисты против итальянского фашизма

После Первой мировой войны, в которой Италия принимала участие начиная с 1915 года и в которой она потеряла сотни тысяч человек, в стране начался период острого социального напряжения и борьбы... забастовки, агитация, кампании против роста стоимости жизни, бесконечные народные демонстрации были ключевыми событиями 1919–1920 гг. Кульминацией стал захват большого числа фабрик в сентябре 1920 года. Сильнейшей левой организацией была Социалистическая Партия; она также контролировала крупнейшую профсоюзную организацию (Генеральную конфедерацию труда Италии, CGIL), и её газета «Вперёд!» («Avanti!») была самым популярным оппозиционным изданием. Однако социалистическое движение было расколото глубоким внутренним расхождением между реформистами (умеренным крылом) и максималистами (более воинственной фракцией). Второе место на левом крыле занимало анархистское движение, тогда во многом организованное вокруг «Unione Anarchica Italiana», который между 1920-ым и 1922-ым выпускал собственную ежедневную газету «Umanita Nova», тираж которой составлял 50 тысяч экземпляров. Анархистские группы, большую часть членов которых составляли пролетарии, в той или иной степени существовали по всей Италии. Во многих ключевых районах влияние анархистов равнялось или превосходило влияние социалистов. В любом случае, благодаря преобладающему анархистскому влиянию на революционный профсоюз «Unione Sindacale Italiana» (который в 1920-ом насчитывал почти полмиллиона участников, и секретарём его являлся анархист Армандо Борги), анархисты задавали тон в классовой борьбе, спорах с работодателям, кампании солидности с революционной Россией..., выступая за специфически революционные средства.

Соответственно, было ясно — когда (из-за робости социалистов) захваты фабрик потерпели поражение и движение вступило в полосу великого кризиса, именно на анархистов обрушился первый удар репрессий государства и работодателей.

К октябрю 1920-го Эррико Малатеста, Армандо Борги и многие другие товарищи были арестованы и на несколько месяцев брошены в тюрьмы. Хотя потом они и вышли на свободу, властям всё же удалось от них избавиться на довольно значительный период.

Фашизм возник именно на этом фоне антипролетарской, контрреволюционной реакции. В качестве движения он сформировался в 1919 году на базе расплывчатой программы, соединявшей консервативные цели со смутно социалистическими (не стоит забывать, что всего за пять лет до этого Бенито Муссолини был национальным лидером Социалистической

Партии и директором её газеты «Avanti!»). Тем не менее, вскоре фашисты выказали свои истинные симпатии. Они встали на сторону владельцев фабрик и земельных магнатов против трудящихся, их организаций, стремлений и борьбы. Фашистские банды врываются в помещения социалистических и анархистских организаций, грабят конторы профсоюзов, ранили и убивали наиболее воинственно настроенных активистов. Деятельность фашистов становилась всё более и более распространённой. Их доставляли к месту проведения оргий разрушения и смерти на принадлежащих карабинерам грузовиках, иногда среди них тоже затёсывались карабинеры... те самые карабинеры, долг которых официально состоял в «поддержании порядка» и «защите закона». За ними выстроилась значительная часть класса работодателей, желавших отомстить за «великий страх», наведённый на них революционными пролетарскими восстаниями и борьбой 1919–1920 гг.

В ответ на насилие фашистов анархисты выпустили призыв к прямому действию, чтобы вызвать ответное насилие. Малатеста и другие активисты не скрывали жизненной необходимости того, чтобы не оставить безответными нападения фашистов, поддерживаемые или, по крайней мере, терпимые государством; они также разглядели не только классовое и авторитарное значение растущей волны фашистского насилия, но и опасности, скрытые в подходе социалистов. По разным причинам, и социалисты, и коммунисты (Коммунистическая Партия появилась в январе 1921 года после отсоединения небольшой группы от Социалистической Партии) отвергли линию анархистов и (это особенно касается социалистов) предпочли вместо этого работать над заключением «пакта о ненападении» с фашистами; подобный пакт был и впрямь подписан летом 1921-го. Совместно подписавшие документ стороны обязались отказаться от использования насилия и т. д., и т. п. То, что за этим последовало, можно было с лёгкостью предугадать. Социалисты соблюдали соглашения, в то время как фашисты продолжали и даже увеличили насилие. Тем не менее, пока лидеры социалистов цеплялись за действия в рамках закона, многие рядовые социалисты, коммунисты и участники других радикальных левых групп вступили в движение «Arditi del Popolo» («Народные смельчаки»), чтобы ответить пролетарским насилием на насилие фашистов. «Arditi del Popolo» представляло собой практически спонтанное движение: во многих районах, его продвигали анархисты, которые с нетерпением ждали единого сотрудничества всех левых сил в борьбе. Во многих местах (Сарцана и Парма — просто наиболее известные примеры) атаки фашистов были успешно отбиты, и восхождение фашистов к власти было затруднено. Тем не менее, в конце 1922 года король назначил Муссолини главой правительства, и в течение четырёх лет все, кто выступали против него, были объявлены вне закона, парламент распущен, а вся пресса подвергнута предварительной цензуре. Это означало триумф диктатуры, тайное сопротивление которой никогда не прекращалось. В этом движении сопротивления, начавшемся в 1919 году и закончившемся в 1945-ом с изгнанием нацистских войск (режим Муссолини пал в июле 1943 года), анархисты играли важную роль, не в последнюю очередь благодаря их численности.

Все силы и партии, которые более или менее боролись с фашизмом, делили власть с 1945 года до нынешнего момента [1981 год], наживаясь на своих «антифашистских» заслугах, как на орудии в своих политических кампаниях. Это в наибольшей степени касается коммунистов, которые были, в том, что касается организаций, крупнейшей антифашистской группировкой. По контрасту, анархисты, разумеется, не вмешивались в эти кампании и

выступали против них; кроме того, они продолжали, в других формах, бороться с эксплуатацией, несправедливостью, капитализмом, церковью и т. д. На бесконечных антифашистских поминовениях упомянули всех (даже случайного христианского демократа или карабинера, что противостояли фашизму), — точнее, всех, кроме анархистов. Наш вклад в борьбу против фашизма — вклад, оплаченный идеями, жизнями людей, кампаниями, страданиями и тюремными сроками — был (вполне логично) проигнорирован. [...]

Читатель (даже англоязычный) без труда сможет уловить тесную связь между личным поведением и социальными целями анархистов, вовлечённых в антифашистскую борьбу. Я должен выделить два момента: во-первых, принимая участие в бесчисленных вооружённых акциях сперва против фашистских банд, затем против репрессивного аппарата фашистского государства и после этого против нацистских войск, итальянские анархисты (привлекшие к себе внимание после 1936 года трагическим опытом Испании, где сражалось несколько сотен итальянских активистов) всегда чурались духа милитаризма и иерархии и постоянно подчёркивали даже своим поведением свою неограниченную либертарную, антиавторитарную методологию. Во-вторых, в своём использовании и в пропаганде использования насилия, в коллективной ли форме вооружённого восстания или в индивидуальной форме тираноубийства, анархисты, в общем, были столь же неистовы в своём отвержении реформистской нерешительности и в своём поощрении рабочих к использованию ответного насилия, сколь они были осторожны не позволять себе заходить далее необходимого — они ограничивали свою собственную роль миссией «мстителей» и на этом заканчивали. На самом деле, для анархистов борьба против фашизма была (хотя и являлась борьбой со специфическими характеристиками) с самого начала воспринята как часть более широкого революционного проекта, направленного на построение либертарного социализма и достижение наибольшей возможной свободы. Так что это была борьба, которую нельзя было прекратить — и прекращена она не была.

Паоло Финци, Милан, июнь 1981.

Муссолини у власти

Итальянский ветеран-активист Малатеста приберёт суровые слова для политиков, которые поощряли фашизм, и ещё более суровые — для тех, кто отговаривал рабочих Италии от самообороны, которая одна могла бы предотвратить их поражение. Это поражение было громадным, несмотря на ошибку Малатесты, думавшего, что «по большому счёту, ничего бы не изменилось».

Фашизм наконец-то оказался у власти — кульминация затянувшейся серии преступлений.

И Муссолини, Дуче, если его так можно описать, начал с того, что стал обращаться с депутатами парламента, как наглый хозяин мог бы обращаться с тупыми, ленивыми слугами.

Парламент, призванный быть «поборником свободы», показал, чего он стоит.

Мы этим ничуть не взволнованы. Нечего выбирать между хвастуном, что брызгает слюной и разбрасывается угрозами, потому что он чувствует себя в безопасности, и прислужником трусов, что, кажется, погряз в своём унижении. Давайте лишь отметим — причём не без чувства стыда, — что за люди нами управляют и от чьего ярма мы не смогли освободиться.

Но каково значение и каковы последствия, каков вероятный исход этого нового способа добиваться власти во имя и по повелению короля, нарушая конституцию, которую король поклялся чтить и защищать?

Помимо поз с претензией на наполеонство, которые на самом деле являются лишь позами комической оперы, если не действиями паханов, мы верим, что, по большому счёту, ничего бы не изменилось, разве что в течение какого-то времени усилится давление полиции на рабочих и тех, кто занимается подрывной деятельностью. Возвращение [реакционных итальянских политиков XIX века] Криспи и Пеллу. Старая история о том, как браконьер стал егерем.

Чувствуя угрозу прилива пролетарского движения, не будучи в состоянии разрешить неотложные проблемы войны, не в силах защитить себя обычными, законными репрессивными средствами, буржуазия увидела, что всё потеряно, и была рада приветствовать военного деятеля, объявившего себя диктатором и отвечающего на попытку освобождения кровавой баней. Но именно в тот момент, в период сразу после войны, все было слишком опасным, и он мог бы спровоцировать революцию, а не изгнать её дух. В любом случае, спасителя-генерала не было видно, или, по крайней мере, из строя выходили лишь пародии. Вместо этого на поверхность выскочили авантюристы, которые, не найдя достаточного поля действия для своих амбиций и appetитов в рядах занимающихся подрывной деятельностью, решили сыграть на страхах буржуазии, предложив ей, за соответствующее вознаграждение, содействие нерегулярных сил, которые, уверенные в своей безнаказанности, могли быть выпущены на рабочих без того, чтобы напрямую скомпрометировать тех, кто предположительно пользуется плодами осуществляемого насилия. И буржуазия приветствовала, заказывала и оплачивала подобное содействие; собственно правительство, или, по крайней мере, некоторые из агентов правительства, решили снабжать их оружием, помогать им, когда они могли сами сильнее пострадать во время нападения, гарантировать им отсутствие наказания и предварительно разоружать будущих жертв нападения.

Рабочие не знали, как отвечать на насилие насилием, потому что в них воспитывали веру в закон и потому что, даже когда каждая иллюзия была разбита, а поджоги и убийства процветали под доброжелательным взглядом властей, люди, которым они верили, проповедовали среди них терпение, спокойствие, красоту и мудрость того, чтобы «героически» позволять себя избивать без сопротивления, так что они были избиты и оскорблены, потеряв своё самое ценное имущество, потеряв лицо, достоинство и чувства.

Возможно, когда все учреждения рабочих были уничтожены, их организации разогнаны, их наиболее выдающиеся и считающиеся опасными деятели убиты, посажены в тюрьму или низведены до беспомощного положения, буржуазии и правительству захотелось притормозить новых преторианцев, которые ныне лелеют мечту стать хозяевами над теми,

кому они ранее служили. Но к тому времени было уже слишком поздно. К тому времени фашисты были слишком сильны и намеревались вытребовать чрезмерную плату за оказанные услуги. И буржуазии придётся раскошелиться, и она, разумеется, постарается возместить свои убытки за счёт пролетариата.

Результат: увеличение бедности, увеличение угнетения.

Что же касается нас, то мы можем лишь продолжать свою борьбу, как всегда, полные веры и энтузиазма.

Мы знаем, что наш путь усыпан несчастьями, однако мы сознательно и охотно его избрали, и у нас нет причин с него сходить. Все, в ком есть чувство достоинства и человеческой порядочности и кто желает посвятить себя борьбе за всеобщее благо, знают, что им надо быть готовыми встретиться с разнообразными разочарованиями, болью и жертвами.

Поскольку никогда не было недостатка в тех, кого ослепляли демонстрация силы и кто вечно питает тайное восхищение перед победителем, теперь также есть занимающиеся подрывной деятельностью, которые говорят, что «фашисты научили нас тому, как делают революцию».

Нет, фашисты нас равным счётом ничему не научили.

Они совершили свою революцию, если её можно описать подобным образом, с разрешения вышестоящих лиц и находясь на службе у своего начальства.

Предавать друзей, ежедневно отступать от исповедовавшихся ещё вчера идей, если это оказывается выгодным, предлагать свои услуги начальству, стремиться получить заверения в согласии политических и юридических властей, разоружать своих оппонентов силами карабинеров, чтобы потом нападать на них вдесятеро превосходящими силами, военная подготовка, которую не приходится скрывать, принимать грузы вооружения, транспорт и военное снаряжение от правительства, а затем получить вызов от короля и поместить себя под Божью защиту... ничто из этого не относится к вещам, которые мы могли бы или хотели бы украсть. И это всё относится к вещам, которые, как мы предупреждали, буржуазия допустит, как только почувствует для себя серьёзную угрозу.

Вместо этого приход фашизма должен стать уроком для конституционных социалистов, которые думали — и, увы! — продолжают думать, что буржуазия может быть побеждена голосами половины электората плюс ещё один голос, и которые отказывались нам верить, когда мы им говорили, что если они бы когда-то и достигли большинства в парламенте и попытались бы — если можно воспользоваться подобной абсурдной гипотезой — установить социализм через парламент, их бы согнали с их мест!

Эррико Малатеста, «Umanita Nova», 25 ноября 1922.

Во имя правды

В период захватов фабрик я никогда не прекращал проповедовать необходимость расширить движение и мчался от одной фабрики к другой, призывая к сопротивлению. Я говорил рабочим: «Если вы оставите фабрики, хозяевами которых вы являетесь сегодня, потом вы вернётесь как рабы, как псы с поджатым хвостом, и вы вновь впадёте в состояние несчастья и униженности, из которого вам удалось вырваться».

Преобладающей темой в моих речах было вот что: «Действуйте немедленно, или буржуазия заставит вас заплакать кровавыми слезами за то, что вы сделали».

На последнем митинге, который удалось провести в Риме — когда фашизм был на грани успеха — перед толпой примерно в 50 тысяч человек Энрико Ферри, выступая от имени социалистов, призвал их сохранять спокойствие и уверенность, подождать, пока не наступит подходящий момент, всё это — во имя «неизбежной эволюции», «законов Истории» и т. д. В то время как я сказал — действуйте, сопротивляйтесь, встречайте насилие насилием, или завтра... будет слишком поздно.

Эррико Малатеста, «Pensiero e Volonta», 1 октября 1926.

Победа фашизма расколола итальянские общины за границей. Даже среди эмигрантов-антифашистов не было согласия в том, как лучше всего победить фашизм. Анархисты призывали к прямому действию, организовывали сопротивление рабочего класса и иногда за это дорого расплачивались. Историк Крешьяни в статье «Пролетарские мигранты: фашизм и итальянские анархисты в Австралии», впервые опубликованной в журнале «The Australian Quarterly» (март 1979), приводит мотивацию одного из активистов анархистского движения:

Прямое действие

Эта философия прямого действия, непрестанно проповедовавшаяся и практиковавшаяся итальянскими анархистами, разительно отличала их от других итальянских политических групп [в Австралии], которые, подобно коммунистам, посвящали себя организации, или, подобно более респектабельным социалистам из «Concentrazione Antifascista dell'Oceania», концентрировали свои усилия на праздновании побед или поражений прошлого. В действительности именно эта приверженность к действию сделала анархистов настолько популярными и привлекла к ним столько сторонников. Как сказал в 1930 году [Франческо] Карманьола, «мы должны вспоминать наших мучеников не только речами и цветами, но и винтовками, не как рабы, но как люди. Мы должны не праздновать, но мстить. Народ, который не борется с насилием насильственными методами, который становится на колени и трусливо терпит то, что навязывают бесчестные наёмники, недостоин так называться».

В Германии гитлеровская НСДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, или нацисты) последовала по проложенному муссолиниевскими чернорубашечниками пути: постаралась выбить левых с улиц и призвала к национальному возрождению (т. е. передаче им власти). В отрывке из книги «Национализм и культура» (1938) немецкий анархо-синдикалист Рудольф Роккер указывает на общую для них технику строительства культа государства — культа, который требовал жертв своей власти. Он также размышляет о

чертах современного общества, которые способствуют зависимости от «спасителей».

Национализм и фашизм

Так называемая «государственная концепция фашизма» появилась только после того, как Дуче добился власти. До этого фашистское движение сверкало всеми цветами радуги, так же как до недавнего момента национал-социализм в Германии. На самом деле, у него не было определённого характера. Его идеология была пёстрой смесью интеллектуальных элементов из самых разнообразных источников. Власть ему дала жестокость его методов. Его отчаянное насилие не могло заботиться о чужих мнениях просто потому, что своих у него не было. То, чего государству не хватало для превращения в идеальную тюрьму, фашистская диктатура дала ему с избытком. Крики Муссолини о либерализме закончились сразу после того, как диктатор прочно захватил в свои руки государственную власть в Италии. Наблюдая быструю смену мнения Муссолини о значении государства, невольно вспоминаешь слова молодого Маркса: «Ни один человек не борется против свободы, — борется человек, самое большее, против свободы других. Во все времена существовали, таким образом, все виды свободы, но только в одних случаях — как особая привилегия, в других — как всеобщее право».

Муссолини, на самом деле, превратил свободу в привилегию для самого себя, и чтобы этого добиться, он осуществил жесточайшее угнетение всех остальных; так как свобода, которая пытается заменить ответственность человека перед другим человеком бессмысленным диктатом власти, — это сущий произвол и отрицание всякой справедливости и всякой человечности. Но даже деспотизму нужно оправдать себя перед людьми, которые подвергаются угнетению. Чтобы ответить на эту необходимость, появилась государственная концепция фашизма.

[...] Цель фашистского философа государства вполне ясна. Если для Гегеля государство было «Богом на земле», то Джентиле хотел бы возвести его в положение вечного и единственного Бога, который не потерпит никаких других богов над собой или даже рядом с собой и который абсолютно доминирует во всех областях человеческой мысли и человеческой деятельности. Это — последнее слово тенденции политической мысли, которая в своей предельной абстрактности теряет из вида всё человеческое и заботится о личности только постольку, поскольку она служит жертвой, бросаемой в раскалённое чрево ненасытного Молоха. Современный национализм — это только воля-государства-превыше-всего и полное растворение человека в высших целях власти. Важнейшее значение имеет тот факт, что современный национализм происходит не от любви к своей стране или к своему народу. Наоборот, он коренится в амбициозных планах меньшинства, которое жаждет диктатуры и во что бы то ни было намерено навязать народу определённую форму государства, хотя бы это и было совершенно противно воле большинства. Слепая вера в волшебную силу национальной диктатуры должна заменить в человеке любовь к дому и чувство духовной культуры своего времени; любовь к окружающим должна быть раздавлена «величием государства», для которого личности должны служить кормом. [...]

Влияние либеральных идей прошлого столетия, по крайней мере, привело к тому, что даже консервативные элементы общества были убеждены в том, что государство существует для

граждан. Фашизм, однако, заявляет с брутальной искренностью — цель личности состоит в том, чтобы быть полезной государству. «Всё ради государства, ничего вне государства, ничего против государства!» — как это выразил Муссолини. Это последнее слово в националистической метафизике, которая в нынешних фашистских движениях обрела пугающе конкретную форму. Хотя это всегда было скрытым значением всех националистических теорий, сейчас это стало их ясно выраженной целью. То, что они так определённо обрисовали эту цель, является единственным достоинством их нынешних представителей, которые в Италии и даже в ещё большей степени в Германии так нежно любимы и так свободно поддерживаются хозяевами капиталистической экономической системы — потому что они были столь раболепны перед новым монополистическим капитализмом и всей своей властью помогали осуществлению его планов по возведению системы промышленного крепостничества.

Дело в том, что вместе с принципами политического либерализма идеи экономического либерализма тоже должны быть аннулированы. Точно так же, как сегодняшний политический фашизм пытается проповедовать человеку новое евангелие, утверждающее, что он может претендовать на жизнь только постольку, поскольку он служит сырьём государству, современный промышленный фашизм пытается показать миру, что не промышленность существует для человека, но человек для промышленности, и он существует, лишь чтобы быть ей полезным. Если фашизм принял в Германии самые ужасающие и бесчеловечные формы, то это в значительной степени благодаря варварским идеям немецких экономических теоретиков и ведущих промышленников, которые, так сказать, показали, что фашизм — это верный путь. Немецкие капитаны индустрии, пользующиеся всемирной славой, такие, как Гуго Штиннес, Фриц Тиссен, Эрнст фон Борсиг и многие другие, смогли жестокой искренностью своих мнений вновь предоставить доказательство того, в какие бездны холодного презрения к человечеству может низринуться человеческий дух, когда он лишён любых общественных чувств и обращается с живыми людьми как с мертвыми цифрами. [...]

Мы теперь наблюдаем такой же [религиозный] феномен в Германии, где национализм за потрясающе короткое время развился в гигантское движение и вселил в миллионы людей слепой экстаз, в котором они с правоверным рвением ожидали пришествия Третьего Рейха, ожидая — от человека, который был совершенно неизвестен несколько лет назад и который до тех пор не предоставил ни малейшего доказательства какой-либо творческой способности, — что он прекратит все их несчастья. Это движение, кроме того, в конечном счёте, всего лишь инструмент для получения политической власти небольшой кастой. Для возвращения себе потерянного после войны положения им подходили любые средства, которыми они могли надеяться «умно спрятать конечную цель», как любил выражаться коварный Бонапарт. [...]

Можно спокойно игнорировать этот слепой религиозный пыл, который в своей детской беспомощности кажется почти невинным; однако эта кажущаяся невинность мгновенно исчезает, когда фанатизм энтузиастов служит могучим и жаждущим власти в качестве орудия их тайных планов. Ибо эта обманутая вера недоразвитых, подпитываемая скрытыми источниками религиозного чувства, раздувается до дикого неистовства и превращается в оружие неотразимой мощи, освобождая путь любому злу. Не говорите нам, что ужасающая

материальная нужда наших дней одна ответственна за эту массовую манию, лишая ослабленных долгими годами несчастий людей способности к мышлению и заставляя их верить любому, кто подкармливает их усиленные голодом страстные желания заманчивыми обещаниями. Военное безумие 1914 года, закружившее весь мир в сумасшедшем вихре и сделавшее людей недоступными любому голосу рассудка, появилось в то время, когда люди были гораздо обеспеченнее материально и когда призрак опасного экономического положения не преследовал их всё время. Это доказывает, что подобные феномены не могут быть объяснены исключительно на основании экономики и что в подсознании людей существуют скрытые силы, которые не могут быть логически поняты. Это — религиозный порыв, всё ещё живущий в современных людях, хотя форма веры и изменилась. Клич крестоносцев «Такова воля Бога!» вряд ли вызовет эхо в сегодняшней Европе, однако по-прежнему существуют миллионы людей, готовых на всё, если этого желает нация! Религиозное чувство приняло политические формы, и политический человек сегодня противостоит естественному человеку не менее антагонистично, чем человек прошлых столетий, зажатый в тисках церковного догматизма.

Само по себе массовое безумие верующих было бы не слишком важным; его всегда можно найти у родников чудесного, и оно мало склонно к практическим соображениям. Но намерения тех, кому это безумие служит в качестве средства для достижения цели, имеют большее значение, пусть даже в вихре крупных событий их тайные побуждения в целом не улавливаются. И в этом таится опасность. Абсолютный деспот прошлых времён мог утверждать, что правит милостью Божьей, однако последствия его действий всегда отражались на нём лично; ибо в глазах мира его имя должно было покрывать всё, и правильное, и неправильное, так как его воля была высочайшим законом. Но под прикрытием нации всё может быть спрятано. Государственный флаг прикрывает любую несправедливость, любую бесчеловечность, любую ложь, любой произвол, любое преступление. Коллективная ответственность нации убивает чувство справедливости в личности и доводит человека до того, что он игнорирует совершённую несправедливость; до того, что ему, на самом деле, может показаться, что совершается похвальное деяние, если оно совершается в интересах нации.

«А идея нации, — говорит индийский поэт-философ Тагор, — является одним из самых мощных обезболивающих средств, когда-либо изобретённых человеком. Под влиянием его паров целый народ может осуществлять систематическую программу самого разрушительного своекорыстия, ни в малейшей степени не осознавая его моральную извращённость — на самом деле, чувствуя себя опасно обиженным, когда на него указывают». [Rabindranath Tagore, *Nationalism*, New York, 1917, p. 57]. Тагор назвал нацию «организованным эгоизмом». Термин хорошо избран, но мы не должны забывать, что мы всегда имеем дело с организованным эгоизмом привилегированных меньшинств, которые прячутся под юбками нации, прячутся под легковерием масс. Мы говорим о национальных интересах, национальном капитале, национальных сферах интереса, национальной чести и национальном духе; однако мы забываем, что за всем этим спрятаны просто эгоистичные интересы любящих власть политиков и любящих деньги деловых людей, для которых нация — это удобная ширма, за которой можно спрятать от глаз мира их личную жадность и их интриги в поисках политической власти. [...]

Развитие технологии за счёт человеческой личности и особенно фаталистическая покорность, с которой громадное большинство соглашается на эти условия, — это причина, по которой желание свободы менее живо среди современных людей и во многих из них полностью заменено желанием экономической безопасности. Этот феномен не должен казаться таким уж странным, так как вся наша эволюция достигла стадии, на которой почти каждый человек — либо управляет, либо управляем; иногда и то, и другое. Это весьма усилило отношения зависимости, так как истинно свободному человеку не нравится ни роль управляющего, ни роль управляемого. Он прежде всего занят тем, чтобы сделать свои внутренние ценности и личные способности действенными таким образом, чтобы позволить ему использовать собственное суждение во всех делах и быть независимым в действиях. Постоянная опека над нашими действиями и мыслями сделала нас слабыми и безответственными; отсюда — непрекращающиеся призывы к сильному человеку, который должен покончить с нашим несчастьем. Эти призывы к диктатору являются не знаком силы, а доказательством внутреннего отсутствия уверенности и свидетельством слабости, хотя те, кто их издаёт, и пытаются придать своим призывам видимость решительности. То, чего человеку больше всего не хватает, он больше всего и желает. Чувствующий свою слабость ищет спасения в чужой силе; слишком трусливый или робкий, чтобы поднять руку и самостоятельно определить свою судьбу, — вверяет её другому. Как был прав Зойме, когда сказал: «Нация, которая может быть спасена только одним человеком и хочет быть так спасена, заслуживает порки!» [...]

Необходимо освободить человека от проклятия власти, от каннибализма эксплуатации, чтобы высвободить в нём те творческие силы, которые могут постоянно давать его жизни новый смысл. Власть низводит человека до мёртвой детали машины, приводимой в движение высшей волей. Культура делает из него хозяина и творца собственной судьбы и углубляет в нём то чувство общности, что рождает всё великое. Освобождение человека от организованной силы государства и тесного рабства нации — это начало нового человечества, которое чувствует, как растут его крылья в свободе, и которое находит свою силу в сообществе.

Из книги Рудольфа Роккера «Национализм и культура».

Дуррути о борьбе против фашизма

“ Через четыре года, 19 июля 1936 года, испанский рабочий класс дал классический пример того, как останавливают фашизм. Не просто нанеся поражение коалиции правых, военных и фашистов на баррикадах, покрывших половину Испании, но и коллективизировав землю и фабрики и начав социальную революцию. Конечно, революция не пережила предательство Коммунистической партии и колебаний ведущих анархистов, однако она показала, что именно было возможно. Буэнавентура Дуррути в знаменитом интервью Пьеру Ван Паасену из газеты «Торонто Дейли Стар» даёт анархистский взгляд на то, насколько ограниченной будет польза от любого правительства в борьбе против фашизма.

Для нас это вопрос о сокрушении фашизма раз и навсегда. Да, несмотря на правительство. Ни одно правительство в мире не будет бороться с фашизмом насмерть. Когда буржуазия видит, что власть ускользает из её рук, она может обратиться за поддержкой к фашизму. Либеральное правительство Испании давно могло бы лишиться силы фашистские элементы. Вместо этого оно колебалось, шло на компромиссы и занималось ерундой. Даже сейчас, в этот момент, в правительстве есть люди, которые хотят мягкого обращения с мятежниками. Никогда не знаешь, как говорится — нынешнему правительству ещё могут понадобиться эти мятежные силы, чтобы сокрушить рабочее движение...

Мы знаем, чего мы хотим. Для нас ничего не значит, что где-то там есть Советский Союз, ради спокойствия которого рабочие Германии и Испании были принесены Сталиным в жертву фашистскому варварству. Мы хотим революции здесь, в Испании, прямо сейчас, а не, может быть, после следующей европейской войны. Мы с нашей революцией сейчас представляем намного большую угрозу для Гитлера и Муссолини, чем вся Красная Армия России. Мы даём пример немецкому и итальянскому рабочему классу в том, как надо разбираться с фашизмом.

Я не ожидаю никакой помощи для либертарной революции ни от одного правительства в мире. Возможно, что конфликтующие интересы различных империалистов окажут какое-то влияние на нашу борьбу. Это вполне вероятно. Франко изо всех сил старается втянуть Европу в конфликт. Он не будет медлить с тем, чтобы натравить на нас Германию. Но мы не ожидаем помощи, даже от нашего правительства, в конечном счёте.

[Ван Паасен перебивает: «Вы будете сидеть на груде руин, если вы одержите победу».]

Мы всегда жили в трущобах и конурах. Мы сможем как-то временно устроиться. Потому что вы не должны забывать, что мы можем и строить. Именно мы построили эти дворцы и города здесь, в Испании, в Америке и повсюду. Мы, рабочие, можем построить новые, чтобы они заняли их место. И даже лучше. Мы ничуть не боимся развалин. Нам будет принадлежать вся земля. В этом нет никакого сомнения. Буржуазия может взорвать и уничтожить свой собственный мир перед тем, как покинуть сцену истории. Мы несём новый мир здесь, в наших сердцах. Этот мир растёт в эту минуту.

Версия #3

Зверобой создал 13 апреля 2025 14:15:00

Зверобой обновил 13 апреля 2025 14:33:58